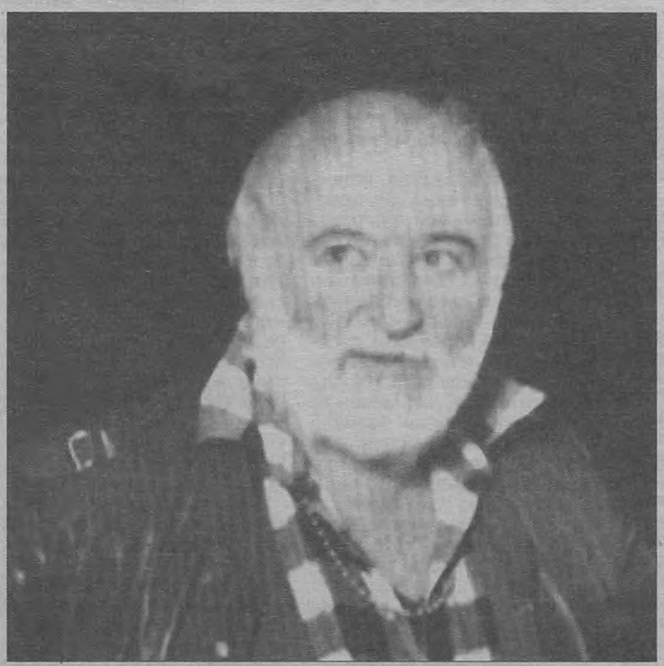
Карт-Бланк

Борис Бланк — один из самых известных художников нашего старого и нового кино. А ныне — и удачливый режиссер, почти не знающий простоев, что само по себе уже почти чудо.

Итак, что же нового мы можем ждать от него сегодня?



— "Вот-вот", уже на выпуске фильм "Тайна жены и зверя" по эротическим рисункам Сергея Эйзенштейна. Несмотря на откровенный характер рисунков, их нельзя назвать гривуазными, порнографическими. Как будто рисовал Моцарт с его легкостью, озорством и изяществом. Существует удивительная коллекция. Теперь она принадлежит сестре Лидии Ивановны Наумовой, художника по костюмам, работавшей с Эйзенштейном на "Иване Грозном".

Если бы я не увидел этой коллекции, то не узнал бы настоящего Эйзенштейна.

Сравнение его фильмов, пластических способов их решений, с рисунками — поразительно, как будто их делали разные люди. Люди разных мировоззрений. Мы стали раскручивать эту ситуацию. В чем дело? Возможно, что-то исходит из детства? Этот ухоженный, казалось бы, обласканный мальчик... Ну откуда такое парадоксальное раздвоение? Откуда в его фильмах такая страсть к мстительным разрушениям, как в "Октябре"? Такое горестное чувство предательства и измены, как в "Иване Грозном"? Только ли это веление времени? — Нет. Начинаешь анализировать, и, как это пошло ни звучит, не обходишься без "старика Фрейда". В его детстве сходящиеся-расходящиеся родители, воспитание на руках у гувернеров, характер властной деспотичной матери. Невольно обращаешь внимание: ведь в его фильмах ни одной лирической линии, ни одной нежной женской фактуры. Я говорю не об интимных линиях или намеках на них, но о той лирической нежности, что свойственна даже самым пуританским фильмам. Вспомните в "Старом и новом" эти крестьянские женские лица или мастодонтов из женского батальона в "Октябре".

Это чрезвычайно увлекательное исследование, но иногда думаешь: нужно ли оно? Ну да, некоторые сложности жизни породили тот способ самовыражения или другой. Все-таки я делаю фильм потому, что, глядя на таких мастеров, на состояние их души, невольно сравниваешь с собой и людьми, которых знаешь. И понимаешь, что не ты один, но и великие мастера испытывали чрезвычайные сложности в личной органике. А с другой стороны, видишь, как недосказанность в частной жизни для большого художника становится поводом для выражения художественной пластики. Этим фильмом мы хотим сказать: да, интимная жизнь великих художников не похожа на общепринятую норму. Но подумайте, а если бы они были другие, может быть, мы не увидели бы того прекрасного, что они высказали своей трагической душой.

— Весь фильм построен только на рисунках? При помощи анимации, наверное?

—Фильм построен на статике, поэтому никакой анимации. Каждый рисунок раскадрован на шесть-семь кадров. Рисунки беседуют между собой за счет планов. Плюс параллельный монтаж тем из его фильмов. Но только изображение – все тексты я снял. Фильм будет музыкальный, ритмизированный. Вариации танго 20-х годов, фокстроты, регтаймовская разработка увертюры Россини к "Сороке-воровке". Все звучит так, как если бы играл тапер. На мой взгляд, это снимает определенную тяжесть, которая могла бы в этом решении возникнуть. Идеально было бы обойтись совсем без текста, но не получилось.

— Фильм ждет фестивальная судьба, или есть надежда на прокат?

— Продюсер Мира Тодоровская поставила передо мной задачу: снять две серии по 52 минуты, для телевидения. Опыт показывает, что это и фестивальный размер. Хотя я мог бы сделать больше.

— Этот фильм закончится и начнется следующий?

— Есть замечательная киносказка: в XIV веке на Москве, на масленицу, на ярмарку, скоморохи играли "По щучьему велению". Меня притягивает сочетание сурового страшного времени и первых русских "театралов"-пересмешников. Скомороший лубок в чистом виде статичен — пропевают, протанцовывают, проговаривают — все на одном уровне напряжения. Я хочу сделать турандотовское, вахтанговское действие, когда актеры, играя, становятся свободными.

Вроде бы Роскино хочет помочь. Сценарий, написанный Павлом Финном, прошел там экспертную комиссию.

Кроме того, я хочу сделать замечательный ужастик – раз в столетие, 23 сентября, в полнолуние, среди готических руин, поднимаются из земли обветшалые духи шекспировских героев, чтобы доиграть свой кровавый спор. И льется черная кровь. Хор ведьм из "Макбета" ведет действие. Должно быть иронично и страшно. На этот раз они восстают в царицынском парке среди псевдоготических руин, отвергнутых Екатериной. Может быть поразительно интересно, я просто чувствую по форме.

— Театр при бурной кинодеятельности вы тоже не оставляете без внимания?

— Я хочу сделать спектакль "На дне" в совершенно новой интерпретации. Этот проект уже начинает реализовываться в театре Армена Джигарханяна. Джигарханян, я надеюсь, сыграет Луку. Луку нового, жесткого, а не привычно елейного дедушку. Горького-драматурга я обожаю. Это Шекспир нашего времени. Язык столь поразительный, образный, что я даже не знаю, как подступиться. Может быть, начать пьесу с появления Луки, а все остальное — преамбула и эпилог. Может быть, построить спектакль на блатных зонгах, которые напишет Евгений Рейн.

— То есть речь идет о постановке "На дне" в качестве режиссера?

— Да, но я не забываю и о своей древнейшей профессии. Сейчас я оформляю спектакли Джигарханяна.

– Я слышала, что создается Национальная Школа Кино и Телевидения – независимое учебное заведение, набор в которое уже открыт. Хотелось бы узнать об этом поподробнее от человека, причастного к созданию и будущего преподавателя, вероятно?

— В принципе, когда много учебных заведений, это хорошо. Но одновременно возникает опасность дублирования. Когда-то давно существовали курсы повышения квалификации работников ТВ. Они дали свои плоды, хотя работали в той еще системе телевидения. Сейчас, когда смотришь телевизионные программы, ощущаешь натасканность приемов, но ощущения культуры никакого, не говоря уже об искусстве. Натасканность приемов вплоть до прямого тираживарования западных шоу. Я говорю не о сумме приемов, а о культуре пользования этими приемами. Сегодня ее нет. Я не обвиняю телевидение. Дело не в том, что, как говорят, "оно развращает". Ужастики, которые без конца показывают, иногда просто облегчают душу, поднимают настроение. Обратите внимание, как театрализованы американские страшилки. Их драки — розыгрыш.

Я совсем не сторонник криков: "давайте будем самобытными". В конечном итоге культура дело общее, и массовая культура тоже. Национальной она все равно будет. Да куда мы денемся с нашим менталитетом — все равно будем самобытными. На сегодняшний момент телевидение нуждается в кадрах или переподготовке кадров, которые бы несли определенный культурный опыт. Опыт натасканности культуры.

Второй вопрос возникает о кино. Есть же ВГИК? К идее объединения кино и ТВ я отношусь с определенным интересом — может быть, на этом стыке и родится культурный режиссер. А культура киноопыта, киноощущения очень много даст телевидению. Даже культура клипа, если человек приходит с киноподготовкой, у него будет звучать по-другому. Без хамства и напора, которые говорят не об остроте взгляда, а о некой культурной деформации.

Здесь есть комплекс задач, которые трудно решить во ВГИКе. Суть в равноправии телевидения и кино как культурной общины. Это толково и важно, может быть, "архиважно". Культура ТВ — это наша жизнь. Я отношусь к идее серьезно.

— Ваши прогнозы о самом крупном кинопроекте, стоящем на пороге, — XX Московском международном фестивале?

— Никаких прогнозов. Это пока еще неестественное событие, вымученное, чтоб "за державу не было обидно". Мы должны понять — ничего во славу державы искуственно делать нельзя. Иногда лучше надолго замолчать. Фестиваль – тогда праздник, когда дозрели все компоненты. Говорят: "если мы закроемся на год, то выпадем надолго". Ничего не надолго — в мире все просто, если возникает что-то талантливое, хоть после десятилетнего перерыва, все оборачиваются к нему. А у нас психология имперского чванства.

С другой стороны, все эти разговоры о "съеденных" фестивалем деньгах, которые могли бы пойти на производство картин, тоже кажутся мне бессмысленными, в них я не принимаю участия.

И еще. Наши кинематографисты, кричащие: "все кончено, все пропало, кино больше нет" — люди недееспособные. Будь я продюсером, я дал бы деньги тому, кто говорит: "все плохо, но у меня есть идея, и я ее сделаю, дайте". У меня нет денег, но у меня есть страсть. А горячечное желание находит возможность реализации. Конечно, наши художники несчастные, потому что у них психология несчастных. Но я их очень люблю.

Беседовала
Алиса ХМЕЛЬНИЦКАЯ

Экран и сцена – 1997. – 10 – 17 июля. – с. 15